

?!

Дневник гниющего.

...

Таша Ульянова

12+

Таша Ульянова

Дневник гниющего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70014022

SelfPub; 2023

Аннотация

Полчища зомби несут апокалипсис по миру на своих ступнях. Мертвецы не ведают усталости и жалости. Среди безликой голодной массы есть один, не утративший способности мыслить. Он явно больше других знает о конце света, и обязательно должен вспомнить о чём-то важном...

Содержание

1	4
2	6
3	8
4	10
5	12
6	14
7	16
8	18
9	20
10	22
11	25
12	27
13	29
14	31

Таша Ульянова

Дневник гниющего

1

По календарю – апокалипсис, на часах – зловещий сумрак.

Вместе с коллегами проникли через заднюю дверь в НИИ «Химических удобрений и ядов» – устроили тамошним работникам мозговой штурм. При виде нас учёные утратили собранность, малый литраж личных анализов, а с ними – львиную долю солидности; сыпали матами, швырялись всем, что попадёт под руку. Одному из моих коллег в глаз угодил шприц. Торчащий из глазницы медицинский инвентарь причинял ему дискомфорт во время трапезы, утыкаясь поршнем в плоть.

Мы – зомби очень любим и ценим человеческую плоть, особенно мозг. Толерантней нас вы никого не отыщите. Нам не важен пол, цвет кожи, мы не обращаем внимания на телосложение или социальный статус – в человеке мы ценим человеческое. Так что оскорбления из уст учёных были лишены смысла. Мы кушали, испытывая лёгкий стыд за совершенно ненаучное поведение образованных людей.

После ужина «меченный» шприцом нашёл в недрах ла-

боратории кейс с забавной надписью на крышке: «Противоядие. Спасение для человечества». Встал вопрос о компетентности почивших учёных, которые так и не смогли разобраться, что спасение уже снизошло на мир в лице полчищ зомби: как очистительная клизма мы движемся вперёд – подчищая остатки прежнего мира ради тишины будущего.

Кейс попинали ногами. Сытые забавы вреда никому не несут.

Пища для размышлений: откуда мне известно, где находится задняя дверь НИИ «Химических удобрений и ядов»?

Память из прошлой жизни подобна вспышкам молнии. Мои коллеги лишены бремени рассуждений – оттого я, к сожалению, с первого дня выбиваюсь из общей массы.

2

Апокалипсис упорно движется по миру на наших ступнях. Среди полчищ зомби царит абсолютное равенство, при- сущее идеальному обществу. Нет страхов, а с ними и стрес- сов, вожделения, зависти. Директора, дворники, безработ- ные – некогда делимые на социальные слои, стали единым частным – самодостаточным по природе своей. Мы – иде- альные потребители, безликие и целеустремлённые. Но за- частую голодные.

Учёные перевариваются быстро, хотя послевкусие знаний долго цепляется за нёбо вместе с лоскутами белых халатов. Туристы – другое дело: жилистые, накачавшие мышцы спи- ны и икр до твёрдости бастурмы. Найти лагерь туристов в лесу – это как выследить дичь.

Вместе с коллегами покинули, теперь уже пустующий, НИИ на рассвете под прикрытием тумана и выдвинулись неровным строем в сторону лесополосы, где наверняка обос- новались приверженцы идеи, что на природе легче спрятать- ся от неизбежного в нашем лице.

«Меченый» бессознательно держится рядом со мной. Шприц по-прежнему ворочается в его глазнице. Во время крутого спуска коллега не удержался на рыхлом грунте и ска- тился вниз, ломая кусты. За изодранными о ветки штана- ми обнажился обширный участок кожи со следами смачных

укусов – по одному на каждую ягодицу.

Что ж, у каждого из нас есть «штамп», оставленный зомби-носителем, как подтверждение о перевоплощении. Но мой отныне выглядит скучно – всего лишь отсутствует часть щеки.

Пролежав с пол минуты на дне балки, меченый пришёл в себя и полез наверх, как ни в чём не бывало. В темноте его филейная часть сверкает подобно лунному лику.

Пища для размышлений: отчего мы не разговариваем друг с другом? Наши истории зачастую скрыты под одеждой и явятся миру лишь после того, как тряпки окончательно сгниют. Но тело может сгнить раньше.

3

Пищей для размышлений сыт не будешь. Желудок истомился голодом, а лагерь в лесу так и не обнаружен.

Досада подкатывает к горлу вместе с хрипами: стремление к скрытности присуще неуверенным в себе личностям. Ныне люди таятся от страха в палатках одинаково старательно, как и раньше за внешними ширмами: будь то косметика, или тонированные стёкла авто. Индивидуальность припудривалась конвейерными средствами, сейчас втискивается под защиту стен.

Для нас же всё в человеке прекрасно: от мозга до почек. И нет нужды загонять под кожу противный нашим зубам силикон, облачаться в тугую, неподатливую ногтям синтетику. Естественность должна взять верх над комплексами, чтобы люди встретили конец уверенными в себе личностями.

К счастью, под прикрытием полночи наш коллектив набрёл на небольшой палаточный лагерь. На радостях мы позабыли стучаться перед тем, как войти. Люди, уверенные, что глухомань защищает их от невзгод так же, как и скорлупа охраняет желток, попросту растерялись. Но вскоре среди наивных нашлись расторопные.

В ходе сражения выяснилось, что котелок мощное оружие в умелых руках – одетый на голову совершенно дезориентирует в пространстве, а гитара бьёт метко и местами мелодич-

но.

Конечно же, мы уважаем желание людей защищаться, но так же ценим своё время, потраченное на их поиски, поэтому проявили упорство.

Часть туристов рассеялась по кустам вместе с ночной прохладой, тогда как остатки их товарищей встретили рассвет уже будучи завтраком. И боюсь прослыть занудой, повторив избитую фразу: «для них это стало интересным опытом».

Пища для размышлений: зачем женщины продолжают наращивать ногти? Они всё ещё думают, будто красота спасёт мир? Мир уже спасён от меланхолии и серости, ведь депрессивные погибли первыми, а для оставшихся в живых реальность заиграла новыми красками.

4

Побродив по опустевшему лагерю, мы вновь выдвинулись в путь. Напоследок я оглянулся и увидел бессмысленную разруху. Но секундную слабость, словно таракана подошвой, тут же раздавил здравый смысл: зомби-апокалипсис единственное логическое завершение такого явления, как «цивилизация». Автомобили не ездят, самолёты не летают – очищенное от шумов двигателей пространство издаёт еле уловимый звон; заводы встали, опухоли свалок прекратили рост. Выходит, что марш зомби во имя тишины угоден природе и отчасти эко-активистам.

Когда ты уверен в праведности своего дела, то и рабочее время летит незаметно. Неожиданно я оказался зажат со всех сторон коллегами. В их глазах немой вопрос об ужине. Сложно сказать, когда именно меня избрали лидером, но это решение претит идее равенства.

Пытался рыком доказать свою точку зрения. На меня хрипели – не соглашались. Дискуссия длилась около получаса. Меченый сверху донизу коллега оказался крайне эмоциональным оппонентом. Торчащий из его глазницы шприц совершал, на первый взгляд, хаотичные вращения, по факту оказавшиеся знаком бесконечности. Не знаю, что конкретно он хотел этим сказать, но непоколебимость моя пошатнулась.

Статус лидера среди зомби – это бремя, ведь избранник берёт ответственность за апокалипсис. А мир ещё не видал проект подобного размаха. Арабские шейхи со своими небо-скрёбами могут лишь нервно раскурить кальян в сторонке. Чтобы апокалипсис состоялся нужен чёткий план, вменяемый дедлайн, грамотный подбор кадров.

На правах лидера, как мог объяснил коллегам важность единственного укуса ради пополнения наших рядов. Демонстрировал на деревьях. Вроде бы поняли.

Пища для размышлений: стыдно признаться самому себе, но руководить очень даже приятно. Грудь распирает от тщеславия. Скорее всего это из-за того, что при жизни я был неудачником. Сейчас тяжело вспомнить... или вспоминать...

5

Новостройки начинались сразу за деревьями. Во многих многоэтажках не успели закончить внутреннюю отделку до наступления дня Z. Пустые оконные проёмы напоминали глаза мертвецов – наши глаза. На минуту мы застыли у кромки леса, с изумлением разглядывая «коллег» из кирпича и в том просчитались – караульные-строители заметили нас. Поднятые тревогой, люди приготовились к обороне.

Как наивно с их стороны уповать на прочность сетки-рабицы! Хотя подобное заблуждение присуще прежнему миру, когда каждый дом являлся закрытой территорией исключительно для «своих». «Чужим» вход был заказан. Окружающие удобства оплачены, ими не надлежит делиться с незваными гостями! Считалось, что чем крепче ограждение, тем дороже, а значит выше уровень жизни. Ради жилплощади в подобном районе не грех работать без выходных и добровольно отдаться в рабство банку на следующие 15-25 лет.

Мы взяли на себя право разрушать предрассудки прошлого, поэтому с готовностью пошли штурмовать хлипкую преграду.

По истечении десяти минут выяснилось, что сетка-рабица достойна титула «нерушимость». Пока мы упрямо воевали с металлом, строители швырялись кирпичами, лили смолу. Небольшого успеха удалось добиться сломав ворота за

которыми начинался ров. Десяток зомби самонадеянно полезли через препятствие. Останавливать их никто не стал – чужие решения надо уважать. Строители сразу же вылили в ров заготовленное для подобного случая содержимое бетономешалки, и коллеги стали частью асфальта.

Возгордившись успехами на поле боя, люди пустили в ход тяжёлую технику.

Против лома нет приёма. С ковшом экскаватора не с руки бодаться, а его гусеницы перемалывают всё и вся, так же неудержимо, как само время – так думали строители. Одно-го они не взяли в расчёт – зомби взвалили на плечи судьбу целого мира, и отступать нам некуда.

Полчище трупов явило живым грандиозную гниющую кучу малу. Техника была взята нахрапом, строители покусаны и отпущены по ближайшим канавам до назначенного срока. У них есть часов десять, чтобы попрощаться с прошлым и присоединиться к нашему коллективу уже состоявшимся, лишёнными бремени страстей безликими частями единого.

Пища для размышлений: судя по вышеизложенному, квартирный вопрос некогда остро стоял передо мной. Видимо, гниение не добралось до какой-то части мозга и память просачивается тонкой струйкой сквозь чистоту моего нынешнего сознания. При жизни я был несчастен, обременён её тяготами. Смерть подарила подписку на безлимитный пакет «Внутренняя гармония». Вот только грусть иногда прилетает спамом...

6

В наших рядах пополнение. Новенькие – все как на подбор: загорелые, в касках, полосы на жилетах сверкают, глаза полны покоя. Некоторые притащили инструмент.

Бывает, что зомби носят сувениры из прошлого: бейджи, игрушки, домашних любимцев (точнее, остатки от них). Дело в мышечной памяти: кошатники бессознательно тянутся к меху, любители пива припадают к забродившей лужице. Но кувалда – это нечто. По её воле, словно по мановению волшебной палочки, перед нами распахиваются все двери.

«Тук-тук» вежливо просится кувалда в очередную квартиру. Мы входим без приглашения, позабыв вытереть ноги. Новенькие полностью освоились в коллективе и сполна оценили преимущества нынешнего статуса. Зомби ведут интересное существование: много двигаются, посещают различные места, знакомятся с новыми людьми. Это было бы идеальной жизнью, если бы не являлось привилегией смерти.

Голодные зомби одолевают бесчисленные лестничные пролёты новостроек стремительнее, чем единственную ступень жизни. От урчания в желудках сотрясается фундамент. И поскольку застройщик-вор сэкономил на материалах, перила ломаются от малейшего натиска. Мы срываемся в глубину этажей с мыслью: «Как не стыдно?! А, если бы это были дети?» Но детей увезли у нас из-под носа десятью минутами

ранее на нескольких автобусах.

Понемногу на небе загораются звезды, пустеют квартиры. После холодного ужина на природе, тёплое семейное застолье – то, что надо.

Меченый умудрился подавиться наручными часами. К шприцу и оголённому заду добавилось мерное тиканье в районе кадыка – определённо с такой удачей спичек ему лучше не доверять.

Пища для размышлений: обращение строителей – хорошая идея. Теперь нужно раздобыть водителей маршруток, чтобы апокалипсис без остановок промчался по планете.

Раньше маршрутчиков нам повстречались пилоты и стюардесса – не первой свежести, в рваной форме, гармонично вписывающейся в линейку одежды «апокалипсис лето-осень». Сотрудники авиалиний бесцельно бродили вокруг рухнувшего самолета. Безработных приняли в массовку, так сказать: приняли на борт.

В первый же день стюардесса проявила кипучую активность: выстраивала нас в шеренги, тянула руку, словно требуя предъявить билет. Пилоты издавали странные звуки: то ли покашливали, то ли имитировали хрипы поломанного двигателя. Но как только впереди показался супермаркет с большим вино-водочным отделом – звуки тут же оборвались, и пилоты устремились сквозь витрину.

Стюардесса рычала им вслед, наверняка подразумевая, что водкой мёртвых только поминают, сами они её не пьют. Алабая легче удержать на привязи при виде кошки, чем лётчикам запретить алкоголь.

К буйству служащих аэрофлота присоединилось с полсотни коллег. Мне пришла идея, что бутылкой среди наших можно приманить и водителей. На наживку клюнули врачи, учителя, шахтёры, сантехники, домохозяйки. Водители не поддавались.

Тогда на полках супермаркета я отыскал пахучую «елоч-

ку» и стал бродить, распространяя салонный аромат. На запах потянулось множество зомби, среди которых я выделил облачённых в майку и шорты, со скрюченными пальцами, излом которых оказался вовсе не проявлением артрита, но памятью фаланг об округлости баранки.

Стюардесса выстроила маршрутчиков в шеренгу и помогла запихнуть в брошенные на городских улицах автобусы. Водители-зомби долго регулировали положение кресел, затем стали бить по сигналу. Без денег отказывались везти, на поворотах подрезали друг друга, игнорировали красный сигнал светофора.

Недавняя схватка со строителями унесла меньше наших, чем одна поездка с маршрутчиками.

Пища для размышлений: из любопытства присоединился к распитию алкоголя с пилотами. Когда целые бутылки закончились, пинками выпроводили меченого за добавкой. Вернулся с одной.

Определённо, этому парню несладко приходилось при жизни.

8

У зомби нет похмелья. Простуда не страшна, зубы не болят. Мы догниваем отведённый срок в неустанном поиске. Нас много – вместе веселее. На пути попадаются одиночки и тут же прилипают к общей массе, как репях к волосам – уже не оторвёшь.

«Цыплят по осени считают». Нам и летом уж нет числа: приливная волна зомби упорно сметает на своём пути мелкие посёлки, средней руки города. Очередной гештальт – мегаполис встречает смертельный прилив огнями – мегаполис боится темноты.

Завидев на горизонте ужин, зомби так и рвутся к застолу. Сердобольная стюардесса торопится привнести упорядоченность в наши ряды. В потугах теряет остатки волос, и терпит неудачу – уж не знаю связаны ли эти события, но Броуновское движение в наших рядах получает направление лишь по моей указке.

После сетки-рабицы мы мним себя бывалыми воинами, а после последней трапезы в привокзальном буфете – гурманами. До спинного мозга пропитанные запахом прогорклого масла, сотрудники общепита решили пересидеть нашествие зомби в подвале. При них был запас воды, муки и фарша собственного производства. Чтобы скрасить ожидание, один из поваров пожарил чебуреки – и то был стратегический про-

счёт: когда в подвале из-за приступа массовой диареи стало невозможно дышать, люди приоткрыли дверь.

Даже малюсенькая щель любопытна нам, и вскоре часть работников общепита излечились смертью от конфузного недуга на весь оставшийся срок существования в качестве мертвячины. Другие познали участь отбивных и наверняка взмолились духу вегетарианства, но срок спасения вышел, как и срок хранения йогурта на буфетной витрине.

Пища для размышлений: живые настолько несовершенны, что постоянно допускают ошибки. Угроза смерти для них не страшна, на фоне потери работы из-за брошенного в разгар смены места – именно поэтому повара и остались в то время, как руководство сбежало на последней электричке, допустив очередную ошибку...

... ведь мы рядом. А у бывших сотрудников общепита остались вопросы к начальству по поводу сверхурочных...

9

До пригорода добрались на рассвете. Среди частного сектора в утреннем воздухе растворялся запах съестного – очевидно, что завтрак эвакуировали не так давно.

Из глухого дома за хлебом вылезла на свет не менее глухая старуха – жертва телешоу, отрицающая срочный выпуск новостей в угоду экранных интриг и семейных разборок. Растолкав ряды у входа в хлебный магазин – наши ряды, старуха стала биться в дверь – до начала любимой передачи оставалось десять минут.

Не прошло и половины данного времени, как пенсионер, наконец, осмотрелась и заимела желанный шквал эмоций, но не постановочных, а реальных, с эффектом полного погружения в недра магазина, после чего многие из нас получили из-за прилавка батонком по «батону». Так же неплохими снарядами показали себя ванильные сухари, а метко пущенный в лоб Бородинский – вообще оказался вне конкуренции.

Под натиском мы вынужденно отступили. Позабывшая про ревматизм, повышенное давление и редкие звонки детей, пенсионерка грозила нам буханкой серого. Зомби топтались у входа.

Отыскав в толпе меченого, я отправил коллегу на переговоры: пенсию не тронем, тихо покушаем и уйдём. Не знаю на что я рассчитывал, только коллега провалил задание, вва-

лившись через порог с громким рыком, словно неблагодарный внук с требованием карманных денег. От удара мучным изделием шприц окончательно погрузился в недра его черепа, хотя до этого существовала надежда на изъятие. Но последний печной снаряд был израсходован и рост цен, почти погоды, как и очередь к терапевту навсегда перестали интересовать пенсионера.

Перекус вышел слабым, остались довольны лишь бывшие любителями вяленой рыбы. Другие скоро утомились обсасывать каждую косточку.

Пища для размышлений: на меченого смотреть больно. Как назло, он так и крутится на виду. Нужно отвлечь парня делом, иначе его взгляд не отпускает меня.

10

Улицы мегаполиса наконец-то легли под наши ступни – шведский стол открыт для посещения.

Остановки пустуют, безлюдье выглядывает из окон. Но нас не проведёшь – мегаполис жив. Зомби тонко чувствуют людские проблемы, и страх перемен – одна из топовых. Человек ходит в спортзал, тягает гири, задерживается на работе, терпит семейные неурядицы и думает, что это проявление силы. При этом боится выбраться из жизненной колеи и подсознательно даже готов умереть, лишь бы в привычном окружении. Одинокий лагерь туристов в лесу – прямое тому подтверждение.

Не бойтесь, выбирайтесь из скорлуп и встречайте перемены с улыбкой!

Мой призыв эхом разносится среди бетона и не находит отклика в дрожащих от страха сердцах. Приходится проявлять инициативу – силой вытаскивать трусишек на свет. Они голосят при виде голубизны неба, вопят от яркости солнца, и отчасти из-за нашей настойчивости. Мы всё понимаем, не торопим – даём эмоциям выплеснуться и только потом приступаем к делу.

День взрывается над головами зенитом. Шум вертолёта прерывает наш обед. Не прошло и полугодика, как военные отреагировали на толпу зомби. Наверняка руководящие чины

намеренно придерживали выдачу обмундирования – отмы-вали коррупционные кумовские схемы.

На наше вежливое предложение познакомиться поближе, военные открыли огонь. Хамы. Стреляют в зомби мужского пола, мертвых леди предпочитают не трогать. Сексисты.

Стюардесса выстраивает коллег – бывших носителей яй-цеклеток в защитную шеренгу и среди военных происходит замешательство, а у нас появляется время найти авто с то-нированными стёклами и надписью «ДЕТИ», и пуститься по улицам на полных парах.

Солдаты засуетились, ближайший вертолёт с риском при-землился посреди небоскрёбов ради эвакуации пассажиров автомобиля, после чего я с несколькими коллегами прямо-ком из салона приняли вооруженных людей в Гробные объ-единённые войска неизбежного апокалипсиса. Выдав что-то нечленораздельное – наверняка присягу, солдаты приклада-ми сбили наши сомкнувшиеся челюсти со своих шей, как вдруг торжественный момент был прерван захватом в рыбо-ловную сеть. Меня, стюардессу и меченного, словно апель-сины в авоське, посредством вертолёта подняли над землёй и потащили в неизвестном направлении.

Пища для размышлений: ума не приложу, как люди умуд-рились подкрасться к нам со спины. Снял бы перед ними шляпу, но всё на что я способен, сжатый плотной сетью – это лицезреть покусанную пятую точку меченного перед лицом и игнорировать неустанные попытки стюардессы заполучить

билет за перелёт.

На военной базе слишком серо и скучно для таких деятельных персон, как зомби. Мы не терпим праздности, а прикованным к койкам нам попросту нечем заняться.

Меченого препарировали, извлекли часы и шприц – хоть какая-то радость. Теперь с коллегой не стыдно показаться на людях. Людей вокруг много, но их, как те «груши» – нельзя скушать. В основном нас кормят сырой свининой и благо что мы мертвы, иначе уровень холестерина пробил бы потолок. Стюардесса нервничает – ей некого строить в шеренги. Меченый спокоен, словно земное воплощение Будды.

Мне тоскливо. Апокалипсис томится в четырёх стенах вместе со мною. Оставленные на свободе коллеги разбредутся по свету малочисленными группами и из хищников станут добычей для ушлых военных.

Досуг разбавляют лишь эксперименты – то проверка током, то газом, то испытание рефлексов или мелкой моторики. Стюардессе презентовали модель самолёта, она пустила её в полёт по частям. Меченому показали шприц, и он вдруг вышел из состояния нирваны, чем смутил персонал базы.

Мне подсовывали разные предметы: от газеты до красок и холста. Затем кто-то приволок живую крысу и, странное дело, но реакция вдруг появилась неожиданно для самого меня, вспыхнуло воспоминание о разработке новой отравы

для крыс в НИИ «Химических удобрений и ядов», сожрав которую, крысы сдохли...

Мне... поручили... избавиться... от... мёртвых... грызунов...

Что-то пошло не так – ожившая крыса укусила меня за лицо. Перекись водорода и зелёнка не обеззаразили рану. И я побрёл улицами родного городка, превращая безликих прохожих в коллег. Десятки освободились при моём участии от тягот жизни и, в благодарность, освободили сотни, а те – тысячи. Вместе мы посетили НИИ и мой пропуск младшего сотрудника подошёл к задней двери.

В итоге, всё обернулось к лучшему, если не считать нынешнего незавидного положения в качестве заключённого.

Пища для размышлений: укусы меченого – не моих ли рук дело? Почему так аккуратно и по одной на каждую ягодицу? Словно издёвка... Уже не вспомнить.

Огромная-преогромная пища для размышлений!!! Изъятый из глазницы шприц содержал остатки противоядия «Спасение для человечества» из пресловутого НИИ! Меченого хотели вернуть к жизни, но гниение слишком далеко зашло на тот момент. Пленившие нас учёные в восторге. Нужно срочно что-то предпринять ради спасения апокалипсиса!

Двери крепки. Персонал военной базы бдителен. Укушенных солдат поместили в одну камеру с нами. Сильные, но совершенно бесполезные зомби – только и крутятся около стюардессы. На неосторожный рык одного, другие тут же приступают к тренировкам, меченого используют в качестве штанги; ищут по карманам сигареты – не находят и пытаются раскурить друг другу пальцы.

Ещё не успевшим протухнуть новичкам ввели противоядие. У парочки ребят улучшился цвет лица, но окончательного возвращения к жизни не случилось, в связи с чем учёные пришли к выводу, что противоядие остаётся эффективным лишь в течение нескольких часов после укуса. Нашу компанию признали неизлечимо больной, что фундаментально-неверно, ведь зомби не болеют, и оставили в покое, переключив внимание на совершенствование препарата.

Я притворился мёртвым – рухнул на пол, где и остался лежать. Солдаты перетащили меня к стене, приспособив под лавочку. Во время очередной кормёжки, когда коллеги отвлеклись на свиные потроха, служащий базы подцепил меня на крюк и поволок в сторону котельной. Помятый окоченевшими задами коллег, я проникался судьбой половой тряпки и радовался собственной смекалке. Естественно, люди не ошиблись, приняв меня за труп. По их мнению, «гниение

достигло критической отметки» и зомби окончательно умер. Той самой отметки достигло удивление работника котельной, когда вместо того, чтобы стать содержимым топки, мои зубы стали частью его плоти.

Укушенный бросился за спасением к медикам, а я отправился покусывать всё, что движется. Несколько раз в меня стреляли, один раз даже плюнули. Я же отсылал встречных в медчасть, где количество противоядия оказалось ограничено.

Началась паника. Последовала потасовка за драгоценные ампулы, а в это время, разгуливающий на свободе зомби без труда выпустил коллег из заточения, пригласив широким жестом отобедать казарменной снейдью.

К вечеру военная база перешла под наш контроль. Солдаты подобрали трофейное оружие, что упростило процесс продвижения. Правда один из зомби попробовал раскурить дуло, нечаянно нажал на курок и запачкал стену содержимым черепашки. Товарищи по оружию тут же выдали ему назидательных подзатыльников, выбив из пулевого отверстия остатки разума.

Пища для размышлений: они всё-таки увезли одну из ампул – не смертельно. До массового производства мы успеем обратить кучу народа. Нужно как можно скорее вернуться к коллегам. Теперь отсчёт идёт на дни.

На вертолётe нас притащили в глухомань из которой, как из болота, не так-то просто выбраться. Встречные кусты окончательно изодрали одежды, пойманные ежи – рты. Стюардесса лучше любого компаса ориентируется по солнцу и звёздам – не удивлюсь, если она тыкала пьяных пилотов носами в лобовое стекло, указывая маршрут. Теперь пришла наша очередь получать направление посредством пинков. Сильная женщина. Солдаты в восторге.

Изломав очередную живую изгородь, вышли к оздоровительному санаторию, стоящему на берегу реки. Над входом надпись «Болезнь – не конец!» Естественно. Конец – это мы. Встречайте.

Прими зомби для здоровья, мы полезнее пилюль и грязевых ванн. В санаториях и больницах у нас должны быть личные кабинеты и часы приёма. Результат избавления сто-процентный. Лишение жизни – единственный побочный эффект от зомботерапии, извиняюсь за каламбур, – пережить можно.

Но нам опять не рады. На практике доказываем больным эффективность укусов, с перерывами на перекусы. Постояльцы санатория медлительные, многие на костылях. Персонал куда активнее: медсёстры юркие, хирурги сильные. Но при нас солдаты и стюардесса. По истечении нескольких ча-

сов приёма признаков жизни в санатории не наблюдается – все счастливы.

Новоиспечённых коллег из числа пациентов решили сплавить вниз по реке – так быстрее. Наверное, сначала следовало вынуть их из инвалидных кресел. Надеюсь коллеги справятся – доедут как-нибудь до места встречи по дну.

Пища для размышлений: меченый перепробовал на себе все шприцы в санатории. Что он пытается найти? Гниение уже подтачивает его мозг, иначе зачем он притащил мне красную резинку для волос?..

Она стягивала волосы такой же резинкой – девушка из отдела сбыта. И улыбалась не мне – другому. Тот был младше меня, но выше по должности, веселее, умнее. Его шутки – не мои, разряжали обстановку на собраниях, его дни рождения собирали чуть ли не весь персонал НИИ.

Ощувив желание плоти, первым я пришёл к нему. Он был не один, но открыл раненному знакомому среди ночи – хотел помочь...

Память тяжелее гири. А началось всё с зажатой в моих холодных пальцах красной резинки с остатками волос и скальпом, после чего я придал смерти возвышенный смысл.

Не было и нет никаких «нас». Есть лишь личная месть, переродившаяся в апокалипсис. Я назвал голодную мертвячину «коллегами», поставил себя их лидером, хотя, по факту, они словно бараны – бредут за тем, кто впереди. И нет в их действиях осмысленности, лишь подражание утраченной жизни, кусочек которой они готовы выцарапать ногтями или выгрызть зубами.

Мой дневник – это внутренний монолог протухающего мозга с прогнившей при жизни душой.

Кто-то из персонала санатория, скорее всего, бывший сторож приволок радио – не из любопытства, которому зомби подвержены лишь в моём воображении, а потому что оно всё

ещё напоминает ему о жизни. Сторож тыкает в кнопки, поскольку точно так же делал это вчера. По всем частотам тревога: толпа мертвецов огромна. Принято решение избавиться от напасти с помощью бомбы.

Я выдвигаюсь в путь. Зомби следуют по пятам. Меченый держится за остатки разума и за своего палача.

Горизонт колеблется – нет, это волна зомби пополнилась на улицах мегаполиса и теперь бредёт нам навстречу.

Я забираюсь на плечи меченому и толкаю речь. Толпа останавливается. Никто ничего не понимает, но мой рык громогласен, гниение усиливается под солнцем, время движется по небосводу, и звук самолетного двигателя вначале напоминает жужжание.

Стюардесса поднимает пустые глаза к облакам; повинувшись стадному инстинкту, зомби повторяют за ней. В движении нет интереса – всё выела смерть.

Неожиданно меченый опадает под моим весом – его коленные чашечки сгнили. Я помогаю коллеге подняться. Готов поспорить, что сейчас у него та же пицца для размышлений: это так ярко вспыхнул закат, или взрывная волна...